

смотрит в глаза своему мучителю. Этого, конечно, нет в житии. Когда мы читаем в приведенной здесь надписи, что сами воины просят царя прекратить пытку, чтобы девица не умерла, то невольно думается, что мучители не выдержали гневного взгляда Параскевы. Художник, для которого все язычники — злодеи, дает свое объяснение проявленной ими жалости, чего нет в тексте жития. В сцене пытки огнем один из воинов отвернулся, не выдержав палящего жара свечи. Снова художник дополняет содержание жития, сильнее подчеркивая стойкость мученицы. В трех сценах, изображающих разговор Параскевы с царем, на первый взгляд, нет никакой разницы. Действительно, средствами живописи нельзя передать содержание разговора. Но художник все же пытается это сделать чисто живописными средствами — через характеристику героини. В первом клейме перед царем стоит юная и прекрасная девушка; ее лицо повернуто в три четверти, голова скромно склонена, глаза опущены. Совсем другой мы видим Параскеву в следующем клейме: ее фигура придвинута к царю, лицо изображено в профиль, отчего исчезает спокойный мягкий овал, который так хорошо характеризовал юность и душевную гармонию девушки. Выпрямившись и вскинув голову, Параскева смотрит царю в глаза. Именно в этом эпизоде в ответ на предложение царя стать его женой она плюет ему в лицо. Обманув царя, Параскева сокрушает языческих идолов. И вот ее снова приводят к царю. Царь сидит все в той же позе, только царский жезл в его руках превратился в трезубец. В фигуре Параскевы поражает застылость; строго вертикальны линии ее фигуры, прямо поставлена голова. Она смотрит вверх головы царя. Жизненный подвиг мученицы свершен. Впереди последние мучения и смерть.

Как уже упоминалось выше, сцены рождества Параскевы нет вообще в ее житии. Тем не менее художник сделал из этой сцены целый рассказ. На первый взгляд, здесь все строго традиционно: сидящая на ложе мать, служанка с младенцем на руках, купель. Но расположены эти элементы не вполне обычно. В сценах рождества служанка обычно сидит у подножия ложа, так что она не связана действием с матерью. Здесь же сидение служанки расположено на одном уровне с ложем матери. Благодаря такому, казалось бы незначительному, изменению композиции меняется весь смысл сцены. Мать сидит на ложе и смотрит на свою дочь в руках служанки. Мать подперла щеку левой рукой, как это делают русские женщины в минуту скорби. Скорбь ощущается во всей ее застылой фигуре, в правой руке, неподвижно лежащей на колене. Словно прочитав свою судьбу во взгляде матери, младенец как будто в страхе прижался к груди служанки. Его тельце обращено спиной к матери, а голова неестественно повернута назад, он смотрит на мать. От позы служанки, от ее подчеркнута крепких форм и сильных обнаженных рук веет спокойствием. Спокойный жест ее правой руки и взгляд показывают, что она обращается к матери с какими-то словами. В этом первом клейме, открывающем цикл, можно видеть предчувствие всех дальнейших событий. Мать знает о трагической судьбе дочери и скорбит о ней. Дочь боится смерти и ищет поддержки в объятиях служанки. Служанка как будто утешает мать, напоминая ей о будущей славе христовой мученицы.

Во всех сценах, о которых мы говорили, художник, строго следуя сюжету жития, расширяет, однако, средствами живописи рассказ о жизни Параскевы, выявляет свое отношение к происходящим событиям. Ограничимся здесь только повествовательным моментом живописного изображения, не касаясь таких способов выявления художественного содержания в живописи, как рисунок, линия, цвет.